

В глубокой ночи, когда Данянь Лу наконец приняла лекарство, ей стало немного легче.

Слуга, отправленный за снадобьями, вернулся не один — он привез несколько рулонов войлока и шерстяных ковров из Западного края, чтобы Хуа Гудо и остальные могли отдохнуть прямо на полу. Когда ковры расстелили, места хватило лишь на четверых. Хуа Гудо указал в сторону родового дома Бао Цюшэна и бросил Цуй Яну:

— Ты. Возвращайся и поспи нормально!

Цуй Ян хотел было возразить, но лекарь лишь одарил его холодным взглядом и промолчал. Он знал: сейчас Божественный лекарь Хуа скажет, что если он не отдохнет, то «испортит ему репутацию» своим изможденным видом. Пришлось подчиниться.

Снаружи поднялся ветер. Облака неслись по небу, то открывая, то пряча тонкий серп луны; звезды мерцали тускло. Цуй Ян взглянул на небо и замер. Много лет назад, такой же глубокой ночью, он уже видел подобное предзнаменование.

Тогда ему было всего восемь. Они жили в уезде Шаньинь. Родители торговали тофу, по утрам держали лавку и продавали соевое молоко. Жили небогато, но дружно: отец и мать были добрыми, старшая сестра — нежной. Счастье казалось вечным.

Но беда пришла быстро. Сестра выросла красавицей, и ее расцветающая юность привлекла взор сына Юаньвая Чжао. Тот вознамерился забрать ее в наложницы. Молодой господин Чжао пользовался в уезде дурной славой. Все знали: «взять в наложницы» для него означало просто похитить, а наигравшись — выбросить. Бесчисленное множество девушек погибло в его руках, так и не дожив до зрелости.

Родители, конечно, не могли позволить дочери попасть в когти этого чудовища. Их решительный отказ привел Чжао в ярость. Семья Чжао была влиятельной: предки служили высокими чинами, они пустили глубокие корни в Шаньине, и простым людям было не под силу с ними тягаться.

На лавку тофу посыпались напасти. Сначала в соевом молоке находили мух, потом в тофу — тараканов. В конце концов дело едва не дошло до смерти покупателя. И хотя отец Цуй Яна клялся в своей невиновности, уездная управа даже не стала его слушать. Ему приказали в трехдневный срок собрать огромную сумму для выплаты компенсации.

Эти деньги вдвое превышали стоимость всего их имущества. Откуда им было их взять? К тому же, прослышав о беде, соседи отвернулись от них; редкие покупатели предлагали за товар сущие гроши. И тут, как назло, на пороге появилась сваха с баснословным выкупом за сестру.

Родители понимали, что за всем этим стоит молодой господин Чжао. Они стояли насмерть, не желая продавать дочь ради спасения.

Тогда им помог каменщик Лу. Он нашел способ уладить дело с деньгами, избавил их от суда, а затем тайком раздобыл подорожные грамоты и велел немедленно бежать из Шаньиня.

Цуй Ян до сих пор помнил ту ночь. Что-то пошло не так, слухи просочились. Господин Чжао со слугами, вооруженными факелами, бросился в погоню. В Шаньине много рек, все передвигались на лодках, и люди Чжао проверяли каждое судно.

Видя, что дело плохо, каменщик Лу спрятал их вещи под бечевником, а самих заставил прыгнуть в воду. Цуй Ян был слишком мал и не умел надолго задерживать дыхание. Каменщик Лу нашел полый стебель камыша и, успокаивая мальчика, прошептал:

— Сяо Ту, зажми его в зубах. Когда уйдем под воду, не вздумай плакать.

Маленький Цуй Ян послушно кивнул:

— Не буду. Брат Лу меня научил.

«Братом Лу» он называл сына каменщика, Лу Даню — то есть Лу Фэна. Каменщик улыбнулся и ущипнул мальчика за щеку:

— Молодец. Не зря, значит, проказничали.

— Мы не проказничали, — тихо буркнул Цуй Ян, потирая щеку.

— Хорошо-хорошо, не проказничали. Вы у меня послушные, — Каменщик Лу ласково приобнял его и увлек за собой в глубину.

Вода была удивительно прозрачной. Сквозь нее Цуй Ян видел, как луна прячется за облаками, как меркнут звезды. Видел и отсветы факелов на берегу. У преследователей в руках были остроги — они тыкали ими в воду, пытаясь нащупать беглецов.

Цуй Ян побледнел от ужаса. Он видел, как остроги пронзают рыбу: тело в дырах, агония, брызги крови... «И со мной будет так же?» — подумал он. От страха мальчик задрожал, камыш выскользнул изо рта, и на поверхность поднялся предательский пузырек воздуха.

Каменщик Лу тут же зажал ему рот ладонью, но было поздно. Один из слуг заметил движение, вскинул факел и направился к ним с острой наперевес.

Эта картина до сих пор преследовала Цуй Яна в кошмарах. Рябь на воде делала лица преследователей невероятно искаженными, в их глазах горела алчность в предвкушении награды и злорадия. Они скалились. Они были похожи на демонов-якш из подземного царства Яньло.

Сердце Сяо Ту бешено колотилось, легкие разрывались от нехватки воздуха, он забился в конвульсиях. Каменщик Лу крепко прижал его к себе...

— Цуй Ян! Что с тобой? Очнись! — внезапно прозвучал голос Лу Фэна.

Цуй Ян резко открыл глаза. Он тяжело дышал, охваченный остатками кошмара.

Лу Фэн проснулся среди ночи — видимо, выспался за день. Услышав шум снаружи, он присмотрелся при свете тлеющих углей: это был Цуй Ян. Тот вошел в комнату как в тумане, взгляд его был пустым. Лу Фэн позвал его, но Цуй Ян не ответил — просто подошел к кровати, скинул верхнюю одежду и лег.

Лу Фэн хотел позвать снова, но его взгляд задержался на талии Цуй Яна. В одной нательной рубашке тот казался еще изящнее. Лу Фэн невольно прикинул ладонью: талия и впрямь была не шире его ладони. Пока он раздумывал, Цуй Ян уже забрался под одеяло.

В прошлый раз им пришлось спать под одним одеялом из-за нехватки вещей, но теперь их было вдоволь. К праздникам прикупили новых, так что каждый укрылся своим. Условия стали лучше, но в душе Лу Фэна почему-то поселилась странная пустота.

Цуй Ян сразу забылся тяжелым сном. Лу Фэн, решив, что тот просто вымотался за день, не стал его беспокоить. Он поправил одеяло, проверил, не дует ли, и уже собирался лечь сам, как вдруг Цуй Ян поморщился от боли. Он начал метаться, пытаясь оттолкнуть одеяло, но он был бессилён.

Лу Фэн испугался:

— Цуй Ян! Проснись! Что с тобой?

Цуй Ян все еще был там, в прошлом. Он не помнил, что случилось потом — только помнил начавшуюся бурю, как господин Чжао упал в воду, и слугам стало не до беглецов. Мальчик тогда нахлебался воды, и каменщик Лу спас его. Очнувшись, Сяо Ту долго плакал в объятиях мастера.

Сейчас, открыв глаза, Цуй Ян в полумраке не отличил Лу Фэна от его отца. Решив, что сон продолжается, он протянул руки и крепко обнял мужчину:

— Дядя Лу, я так скучал по вам...

Лу Фэн замер. Тело Цуй Яна было не теплым, а скорее прохладным. От этого внезапного объятия сердце Лу Фэна пропустило удар, а в голове зароились сомнения: «Дядя Лу?»

— Простите меня! — Цуй Ян всхлипнул.

Он не знал всей правды о той ночи, но был уверен: каменщик Лу погиб именно из-за того, что спасал их семью.

— Это я во всем виноват...

Лу Фэн недоумевал. Он не понимал слов Цуй Яна и не знал, кого тот зовет «дядей Лу». Ему оставалось лишь обнять Цуй Яна в ответ и, поглаживая его по спине, негромко повторять:

— Цуй Ян, это я. Это Лу Фэн!

Цуй Ян вздрогнул. Имя «Лу Фэн» мгновенно вырвало его из плена воспоминаний.

«Я?!»

Память вернулась к нему ледяным душем. «О боги, что я творю?» — в ужасе подумал он.

Лу Фэн почувствовал, как Цуй Ян одеревенел. Ему хотелось отстраниться, чтобы сгладить неловкость, но он не мог его отпустить. Чтобы хоть что-то сказать, он спросил:

— Что случилось? Тебе холодно?

Цуй Ян лихорадочно соображал, как объясниться. Слово «холодно» стало для него спасительной соломинкой. Не заботясь о том, насколько правдоподобно это звучит, он выдавил:

— Наверное, на улице ветер поднялся... Меня продуло, и как только лег — начался бред. Совсем замерз.

— Вот оно что, — Лу Фэн прихлопнул по своему одеялу. — У тебя постель холодная, да и грелку не поставили. Может, ляжешь ко мне?

— Хорошо, — тут же согласился Цуй Ян.

В обычное время он бы долго отнекивался, но сейчас неловкость была настолько велика, что он боялся лишних слов и просто нырнул под чужое одеяло.

Лу Фэн прижал его к себе, покрепче укутал вторым слоем и прошептал:

— Спи.

Дыхание Лу Фэна коснулось уха, и Цуй Ян покраснел. Он уткнулся носом в подушку, повернувшись к мужчине затылком. Лу Фэн не удержался и коснулся его волос. Они были мягкими, шелковистыми. Ему не хотелось убирать руку, и он прижался лбом к затылку Цуй Яна.

Цуй Ян горел от смущения, но усталость взяла свое. В объятиях Лу Фэна было так тепло и спокойно, что вскоре он погрузился в глубокий сон без сновидений. Лу Фэн улыбнулся, его ладонь соскользнула с волос на талию Цуй Яна и осталась там до самого утра.

На следующий день, когда солнце уже стояло высоко, Цуй Ян проснулся. Почувствовав на своей талии чужую ладонь, он вновь залился краской и стыдливо опустил голову. От этого движения прядь волос коснулась руки Лу Фэна, и тот тоже открыл глаза. Поняв, что они проспали в обнимку всю ночь, Лу Фэн тоже смутился, но первым делом посмотрел на Цуй Яна.

Тот поспешно притворился спящим. Лу Фэн не заметил хитрости и осторожно убрал руку. Цуй Ян почувствовал укол разочарования. Пока он гадал, стоит ли «просыпаться» сейчас, из-за ширмы донесся кашель.

— Кхм-кхм! — Голос Хуа Гудо так и сочился недовольством. — Проснулись — так вставайте, чего копаетесь!

Цуй Ян и Лу Фэн синхронно открыли глаза и уставились друг на друга.

Цуй Ян: «...»

Лу Фэн: «...»

Наступила неловкая тишина.

Хуа Гудо нахмурился:

— Ну и что встали как вкопанные? Живо на выход, Данянь Лу проснулась.

Ступор мгновенно сменился радостью. Они быстро оделись, и Цуй Ян с надеждой спросил:

— Когда пришла в себя? Как она?

— Хворь уходит медленно, по ниточке, так что слабость еще есть. Но духом она крепка, — лекарь зевнул и указал на Лу Фэна: — Как глаза открыла — сразу тебя звать стала. Иди, успокой ее.

Лу Фэн, не теряя ни секунды, бросился домой.

Приставленная к больной кухарка оказалась женщиной предусмотрительной. Зная, что Лу Фэн вряд ли подумает о себе, она заранее приготовила воду для умывания.

— Господин, не спешите, приведите себя в порядок.

— Зовите меня просто А-Фэн, — смутился Лу Фэн, непривычный к такому обращению.

— А-Фэн, — тут же поправилась та. — Твоя матушка только что выпила лекарство, ей нужно немного отдохнуть.

Данян Лу, приподнявшись на постели, добавила:

— А-Фэн, послушай тетушку.

Она не знала, что эта женщина — служанка из поместья У, и, видя ее доброту и заботу, называла ее «тетушкой».

Лу Фэн быстро умылся и подошел к кровати.

— Мама, как ты себя чувствуешь?

— Благодаря божественному лекарю — гораздо лучше, — ответила Данян Лу и взглянула на кухарку: — Хорошая женщина, господин Цуй еще не завтракал, а там присмотреть некому. Будьте ласковы, позаботьтесь о нем.

Служанка поняла намек: матери и сыну нужно было поговорить с глазу на глаз.

— Иду-иду. Заодно и на А-Фэна приготовлю, заходи потом поесть.

Когда она вышла, Лу Фэн повернулся к матери. Теперь, когда она была в сознании, он мог задать мучивший его вопрос:

— Мама, что произошло? Что заставило тебя так разволноваться?

Данян Лу вздохнула. Она не стала рассказывать о делах давно минувших дней, лишь твердо произнесла:

— А-Фэн, запомни раз и навсегда: мы — простые люди, без связей и опоры. Знай свое место. Зарабатывай столько, сколько сможешь своим трудом. Не высовывайся, не заглядывайся слишком высоко и не желай того, что тебе не принадлежит.

Ее слова были полны скрытого смысла, но она не спешила его раскрывать. Лу Фэн не понял подтекста и ответил просто:

— Мама, я понимаю.

— Хорошо, если так, — Данян Лу чуть расслабилась. — Простому люду с чиновниками не тягаться. Мне не нужны твои великие дела. Живи спокойно, найди хорошую жену, заведи детей. Пусть твоя жизнь будет мирной.

«Хорошую жену?»

Лу Фэн растерялся. В голове некстати всплыл образ Цуй Яна. Он тут же отогнал эту мысль как нелепую: с чего бы это вдруг при разговоре о женитьбе он вспомнил о нем?

— Я понял, мама, — улыбнулся он.

В этот момент Цуй Ян как раз подошел к дверям. Он не слышал начала разговора, но последние слова — о том, что Лу Фэн должен жениться и он согласен — ударили его в самое сердце. Цуй Ян замер. Та искорка надежды, что затеплилась в нем утром, мгновенно погасла.

«Брат Лу — нормальный человек. Ему нужна жена, дети... Не то что мне».

Цуй Ян горько вздохнул, чувствуя, как в груди заныло. Он опустил голову.

— Господин Цуй? — Лу Фэн как раз выходил из комнаты. Заметив состояние друга, он удивился: — Что случилось?

Цуй Ян быстро взял себя в руки и натянул улыбку:

— Как Данян Лу?

— Намного лучше, — ответил Лу Фэн.

Услышав голос Цуй Яна, Данян Лу нахмурилась, а потом позвала:

— Это господин Цуй? Прошу, заходите.

Цуй Ян вошел. Матушка Лу внимательно посмотрела на него. Благодаря лекарствам Хуа Гудо ее зрение заметно улучшилось, а полуденное солнце, заливавшее комнату светом, позволяло рассмотреть гостя во всех деталях.

Она присмотрелась и в душе охнула: «Как же похож!»

Данян Лу жестом пригласила его сесть и проникновенно произнесла:

— В этом году вы столько раз нам помогали... Не знаю, чем и отплатить за такую доброту.

— Матушка, что вы, это лишь малая услуга, — Цуй Ян вежливо отказался, а про себя подумал: «Мой долг перед вашей семьей мне и за всю жизнь не выплатить».

— Это вы слишком скромничаете, господин Цуй. Все те дела, за которые брался А-Фэн... разве справился бы он один? Будь он таким способным, давно бы в гору пошел, а не ждал до сего дня, — продолжала Данян Лу.

— Зачем вы так говорите о сыне? Брат Лу — как жемчужина, присыпанная пылью. У него всегда были способности, просто не было случая их проявить, — возразил Цуй Ян.

— Жемчужина... — пробормотала Данян Лу и тяжело вздохнула, словно принимая трудное решение. — Я своего сына знаю. Он не жемчуг. То, что он встретил вас и получил ваши наставления — уже великая удача и благословение небес. Но мы люди маленькие. Слишком много удачи — нам не удержать.

Эти слова прозвучали громом среди ясного неба. И Лу Фэн, и Цуй Ян застыли в изумлении. Теперь Лу Фэн понял, к чему клонила мать.

Когда-то она уже пыталась отказаться от помощи Цуй Яна, и только вмешательство дяди Цю переубедило ее. Почему же сейчас она снова заговорила об этом? Лу Фэн вспомнил прошлую реакцию Цуй Яна — он не мог с уверенностью сказать, что его болезнь была связана с отказом матери, но и отрицать этого не мог. Если Цуй Ян снова пострадает из-за них, он себе этого не простит.

Лу Фэн с тревогой следил за лицом друга. На нем отразилось потрясение, которое быстро сменилось внешним спокойствием. Цуй Ян посмотрел Данян Лу прямо в глаза:

— Матушка, дела брата Лу — это его собственный труд. Я здесь ни при чем. Не стоит так принижать его! У вас могут быть... опасения, но жизнь — как лодка, идущая против течения: не продвнешься вперед — отбросит назад. В этом мире, если дашь слабину, тебя втопчут в грязь и не дадут подняться!

— Но... — Данянь Лу поняла его намек. Горькие воспоминания прошлого хлынули на нее, голос задрожал от слез. — Нам не победить их... не победить!

Сердце Цуй Яна сжалось от боли.

— Я... — «я справлюсь», хотел сказать он, но Данянь Лу перебила его:

— Господин Цуй, я знаю, вы хороший человек. Я принимаю вашу доброту. Но больше... не надо.

Она не договорила, но Цуй Ян и так все понял. Матушка Лу больше не винила его в смерти мужа, но и знаться с ним больше не хотела. Долг прощен, но связь оборвана.

Это было еще больнее, чем слышать о женитьбе Лу Фэна. Цуй Ян понуро закрыл глаза и сиплым голосом выдавил:

— Я понял.

И, не оборачиваясь, вышел.

Лу Фэн видел его реакцию, и сердце его обливалось кровью. Он хотел броситься вслед за ним, но побоялся матери.

— Мама, почему ты так с ним?

— А-Фэн, не вини меня в бессердечии. Я делаю это для блага господина Цуя, — вздохнула Данянь Лу.

Лу Фэн ничего не понимал:

— Мама, объясни наконец, что происходит!

Но она лишь отвернулась:

— Голова разболелась. Дай мне поспать.

Когда Цуй Ян вернулся в дом Бао Цюшэна, там уже витали аппетитные ароматы. Кухарка не зря ела свой хлеб: У Мосюань прислал ее не столько за Данянь Лу приглядывать, сколько ради желудка Хуа Гудо. Лекарь, измотанный бессонной ночью, сидел за столом в предвкушении трапезы, поджидая Цуй Яна и Лу Фэна.

Но вошел один Цуй Ян — бледный, с потерянным взглядом. В его глазах, где еще утром светились смущение и радость, теперь застыли слезы.

— Что случилось? — всполошился Хуа Гудо.

Цуй Ян поднял на него глаза, и слезы покатались по щекам прежде, чем он успел вымолвить хоть слово.

Лекарь в панике принялся вытирать ему лицо:

— Эй-эй, только не обижайся! У нас, мы, нет привычки носить с собой платки, мы слезы листьями вытираем. Сейчас приличного листка не найти, так что терпи мои руки. Я только что перец резал, если зажжет и слез прибавится — чур, не на меня жаловаться!

Видя, что его шутки не помогают, он усадил Цуй Яна на край кровати:

— Да что стряслось-то? Чего ты разрыдался на ровном месте? Кто обидел? Скажи — я его в порошок сотру.

— Не надо, — Цуй Ян схватил его за руку. — Никто меня не обижал.

«Никто не обижал, а плачет так, будто полмира потерял... Ясно, опять из-за своего ненаглядного», — подумал Хуа Гудо и вслух ворчал:

— Только-только вытащил бабу с того света, а они уже нос воротят. В следующий раз пусть даже не зовут — не приду!

— Нет-нет, — Цуй Ян затряс головой. — Все не так!

— Точно? — Хуа Гудо подошел ближе, заглядывая ему в глаза.

Цуй Ян отвел взгляд, длинные ресницы дрогнули, и еще одна слеза упала на одеяло.

«Врет», — заключил лекарь. Этот парень во всем мастер, но в чувствах — сущий ребенок: все прячет в себе, терпит до последнего. Он вспомнил, как в прошлый раз Цуй Ян едва не отдал концы, чуть не испортив ему всю статистику. Повторения он не желал.

— Ладно, можешь не рассказывать. Но одно условие: уезжаешь со мной. Одного я тебя здесь не оставлю.

Цуй Ян опустил голову, его пальцы коснулись покрывала. Служанка уже успела заправить

постель, но ковры еще хранили тепло. Ночные объятия теперь казались сном, который разбился вдребезги при первом же прикосновении реальности. Он вздрогнул, и слеза упала на руку — она была обжигающе холодной.

В дверь постучали. Это был Лу Фэн. Хуа Гудо перегородил ему путь:

— Чего тебе?

Голос лекаря не предвещал ничего хорошего. Лу Фэн, чувствуя свою вину, не смел злить его. Он протянул связку ключей:

— Это ключи господина Цуя от этого дома. Они у меня остались.

Эту связку когда-то швырнул Лу Фэну сам Бао Цюшэн. Данян Лу запомнила это и велела сыну немедленно их вернуть. Лу Фэн надеялся, что Цуй Ян откажется, и это станет поводом для разговора, или что он сможет утешить друга. Но перед ним стоял Хуа Гудо с таким перекошенным лицом, что Лу Фэн не решился наставить на своем.

— Давай сюда, передам, — буркнул лекарь, забирая ключи.

Лу Фэн поплелся назад, постоянно оглядываясь в надежде увидеть Цуй Яна в окне.

Хуа Гудо фыркнул, вернулся в комнату и отдал ключи. Цуй Ян сжал их так крепко, что металл врезался в ладонь. Как назло, ключи попали прямо на то место, где вчера он оцарапался о занозу на лестнице у Лу Фэна. Боль была резкой, отрезвляющей.

Но он ничего не почувствовал. Сердце болело в тысячу раз сильнее, словно его резали тупой пилой — медленно, дюйм за дюймом.

Как же больно!

***

В последующие дни Лу Фэн и Цуй Ян почти не виделись.

Без Лу Фэна, который присматривал за товаром в доме Бао Цюшэна, Цуй Яну приходилось чаще ездить в деревню Пиньян. Несколько раз они сталкивались на каменном мосту у въезда.

Цуй Ян тут же отворачивался и нырял в придорожную беседку — он не выходил оттуда, пока Лу Фэн не скрывался из виду.

Лу Фэну было невыносимо это видеть. Он старался как можно быстрее пройти мост, лишь мельком бросая взгляд на беседку. Даже со спины было заметно, как Цуй Ян похудел. Талия стала совсем тонкой — видать, совсем не ест и не спит. Лу Фэн чувствовал себя так, будто в сердце ему вогнали занозу, которая ныла при каждом вздохе.

После Нового года торговля зимними побегам бамбука пошла на спад. Каменщики гадали, за какой товар братья дальше. Кто-то предлагал чай — прибыль на нем огромная, особенно на весеннем Лунцзине; кто-то советовал продолжать с побегам бамбука — в марте пойдут весенние побеги, на которые в Юэчжоу всегда есть спрос.

Дядя Цю велел Лу Фэну пойти и посоветоваться с Цуй Яном.

Лу Фэн хотел было признаться, что их дружба дала трещину, но не смог. Каменщики благодаря зимнему бамбуку наконец-то увидели деньги, многие молодые парни уже присмотрели невест и ждали прибыли, чтобы справить свадьбы. Лу Фэн не решился разбить их надежды.

Не найдя Цуй Яна, он отправился в южную лавку Чжэньпиньцзай к Ли Линю. Тот был человеком догадливым, кое-что слышал о разладе и, не став отказывать, доложил о визите У Мосюаню.

Молодой господин У помрачнел:

— Так извести человека и еще иметь наглость за советом приходить? Прогнать его, и дело с концом!

Цуй Ян, бывший рядом, поспешил вмешаться:

— Нельзя!

— Да что с тобой такое? — вскипел У Мосюань. — Они с тобой так обошлись, а ты все жалеешь!

— Не в том дело, — вздохнул Цуй Ян. — То, чего я хочу, и то, что они могут дать — разные вещи. Они меня не предавали.

— И ты собираешься всю жизнь так мучиться? — У Мосюань смерил его презрительным взглядом. — «Простолюдину с чиновником не тягаться»? Глупости! Если не научишься давать отпор, никогда не обретишь покоя. Он дурак, а ты его выгораживаешь.

— Позволь мне защитить их хотя бы на время, — тихо попросил Цуй Ян.

— Эх, ты! — У Мосюань возмутился его безволию, но спорить не стал. Он велел Ли Линю передать: — Скажи Лу Фэну: в чайный бизнес лезть не стоит — прогорит. Пусть берет побеги

бамбука. Свежие быстро портятся, так что пусть закупает сушеные у горцев. Закуску из сушеного бамбука, маосунгань — любой, лишь бы чистый был.

Ли Линь передал совет. Весенние побеги бамбука растут стремительно — за ночь вымахивает целая роща. Если не успеть собрать — одревеснеет. Горцы сидели на сокровищах и видели, как они пропадают. Услышав, что теперь принимают сушеный бамбук, они взялись за дело с удвоенной силой. В горах места для сушки много, по ночам можно сушить на углях. У каждого вида — свой вкус: сушеный, копченый, соленый...

Лу Фэн собрал рецепты обработки, взял за основу методы Цуй Яна и установил стандарты: качество сырья, толщина нарезки, количество соли, пропорции. Горцы народ простой — они не спорили, а послушно делали по-новому.

Вскоре в лавке Чжэньпиньцзай появился сушеный бамбук отменного качества и по честной цене. Хозяйки оценили: вкусно и мороки никакой. Товар расходился мгновенно.

К апрелю, когда начались паводки и горные ручьи вздулись, горцы на плотках добирались до низовий за одну ночь. Раньше они возили только бамбуковую плетенку, а теперь — горы сушеного бамбука, и разгружались только на верфи Лу Фэна.

Верфь гудела как улей. Мелкие торговцы из уезда Шаньнань просили разрешения арендовать там клочок земли под лавки. Каменщики и сами бы торговали, да времени не хватало, а торговцы решали проблему снабжения горцев всем необходимым.

Десяток лавочек открылся прямо на территории верфи. Торговцам приглянулись пещеры в горе — отличное место для складов. Они спросили про аренду. Лу Фэн снова отправился в Чжэньпиньцзай за советом. Ли Линь растолковал: устанавливай цену в зависимости от размера и сухости пещеры, иначе ссор не оберешься.

Лу Фэн все запомнил. На обратном пути он заметил прилавок с солено-сушеной рыбой — той самой, что делал Цуй Ян. Он по одному виду мог определить качество. Это была последняя партия нынешнего сезона; скоро в продажу пойдет рыба из ледников склада Ваньло, а она из-за расходов на хранение будет гораздо дороже.

Люди расхватывали рыбу. Лу Фэн уже прошел мимо, но сердце предательски екнуло. Та заноза, что засела в душе, ушла глубоко в плоть, вызывая ноющую боль. Он вернулся и купил одну солено-сушеную рыбину. Прошлой весной горцы постоянно спрашивали: «Почему нет рыбы?» Лу Фэн не знал, что ответить, и лишь отделялся фразой: «У господина Цуя дела в городе, недосуг ему».

В деревню Пиньян он вернулся уже затемно. На верфи еще горели огни — каменщики готовили товар на завтра. Лу Фэн отдал им солено-сушеную рыбу для общего обеда. Все обрадовались — давно не пробовали солено-сушеную рыбу от Цуй Яна. Парни советовали Лу Фэну поскорее идти домой, пока ужин у матери не остыл. Глаза Данянь Лу уже видели хорошо, и его помощь на кухне была не нужна, но Лу Фэн не стал спорить и пошел к себе.

Проходя мимо дома Бао Цюшэна, он увидел свет в окне. Сердце пропустило удар: «Цуй Ян здесь».

Он представил, как тот хлопчет внутри, и он невольно улыбнулся, но улыбка тут же растаяла.

«Ну здесь он, и что с того?»

Он потер ноющий висок и побрел домой.

***

Внутри родового дома Цуй Ян пересчитывал последнюю партию солено-сушеной рыбы этого года.

Тетрадь была исписана почти до конца. Первую половину вел Лу Фэн. Почерк у него был простоватый — он сам признавался, что учился пару лет в детстве и все забыл, пока не встретил Цуй Яна. База осталась, и хотя буквы были не идеальными, писал он аккуратно и чисто.

Цуй Ян вписал последнюю строку и вздохнул.

Он завел эту тетрадь специально для Лу Фэна. Записал все: климат, влажность, время просушки для осени, зимы и весны — полный учебник мастерства. В будущем Лу Фэну нужно было бы только следовать записям и чуть-чуть подстраиваться под капризы погоды.

Только вот тетрадь закончена, а человек теперь бесконечно далеко.

Цуй Ян снова вздохнул и задул лампу в западном складе.

Он уже собирался выходить, как вдруг в углу послышался шорох. Там стояли два огромных чана в человеческий рост для оптовых партий. Раньше в них хранили горбыля, но теперь они должны были пустовать.

Цуй Ян замер. Он не стал зажигать свет, а лишь нащупал рукой бамбуковое коромысло и на цыпочках двинулся к углу.

Там и впрямь кто-то прятался. Это был второй сын Бао Цюшэна — Бао Пинъань.

Отец уже не раз подсылал его в старый дом — выведать секреты мастерства. До этого им везло, они не сталкивались, но сегодня удача отвернулась от воришки. Он уже хорошо знал дом и знал, что чаны пусты. Он забрался внутрь, накрывшись бамбуковыми решетками для сушки.

Сквозь щели он видел, как Цуй Ян что-то сосредоточенно пишет в тетрадь. «Неужели тайный рецепт?» — мелькнула мысль. Пинъань не мог сдержаться ликования: наконец-то он принесет отцу добычу и больше не придется торчать в этом вонючем, пропахшем рыбой месте! Он резко вскочил.

От радости он забыл об осторожности, и Цуй Ян тут же его заметил.

Цуй Ян коромыслом отшвырнул решетки. Бао Пинъань, набравшийся кое-каких приемов у отца-пристава и брата-бацзуна, перехватил коромысло и, пока Цуй Ян пытался устоять на ногах, выпрыгнул из чана, целясь в тетрадь.

Но Цуй Ян оказался не промах. С виду хрупкий, он обладал отменной реакцией. Он рванул коромысло на себя и наотмашь ударил противника.

Пинъань охнул от боли — удар пришелся прямо по носу.

Цуй Ян не церемонился и замахнулся снова. Своему мастерству он научился в море. На рыбацких шхунах часто встречали пиратов-воко, и хочешь не хочешь — приходилось учиться драться за свою жизнь.

Пинъань получил второй удар, и ярость захлестнула его. Как сын Бао Цюшэна, он привык сам бить людей, но чтобы его — какой-то тофуный парень?!

Он выхватил короткий нож. Лезвие блеснуло в темноте, одним махом перерубив бамбук коромысла и задев руку Цуй Яна.

Тот вскрикнул, обрубок коромысла со стуком упал на пол.

Поняв, что преимущество на его стороне, Пинъань вцепился в тетрадь. Цуй Ян мертвой хваткой вцепился в другую сторону. Они тянули ее каждый на себя.

— Отдай! — прорычал Пинъань. — Отдай, не то прирежу!

Цуй Ян не отпуская. Он знал: такому подонку отдай хоть все золото мира — живым он тебя не оставит.

С треском тетрадь разорвалась пополам. Цуй Ян, прижимая свою часть к груди, бросился к боковой двери. Тяжелая створка с грохотом ударилась о стену, но ночная тьма поглотила звук. Никто не отозвался, даже собаки не залаяли.

— Куда пошел! — Пинъань бросился в погоню.

Цуй Ян со всех ног бежал вниз по склону.

В это время Лу Фэн как раз закончил ужин и вышел во двор сполоснуть посуду. Ночь была безлунной, хоть глаз выколи. Он не видел бегущих, но шестым чувством почуял неладное.

Он бросил миски и крикнул матери:

— Мама, у господина Цуя беда, я сейчас!

Данянь Лу подскочила как ужаленная. Все было как в ту кошмарную ночь много лет назад, когда ее муж сказал: «В лавке тофу что-то не так, я проверю!»

И навсегда ушел в темноту.

— Не смей! — закричала она.

Но Лу Фэн уже не слушал. Бросив на ходу: «Я только посмотрю!», он растворился в ночи.

Ворвавшись в дом Бао Цюшэна, он увидел следы борьбы: обрывки бумаги, разрубленное коромысло... и пятна крови на полу.

У Лу Фэна все похолодело внутри. Сердце пропустило удар. Перехватив обрубок бамбука, он бросился по следу.

<http://bllate.org/book/17486/1713667>